

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СУШИЦКИЙ В. и НИКОЛАЕНКО А.

КОЖАНАЯ КУРТКА

(ИЗ ИСТОРИИ САРАТОВСКОЙ ТЮРЬМЫ)

1931

ОГИЗ

Н.-В. КРАЕВОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
САРАТОВ

РСФСР

КОЖАНАЯ КУРТКА

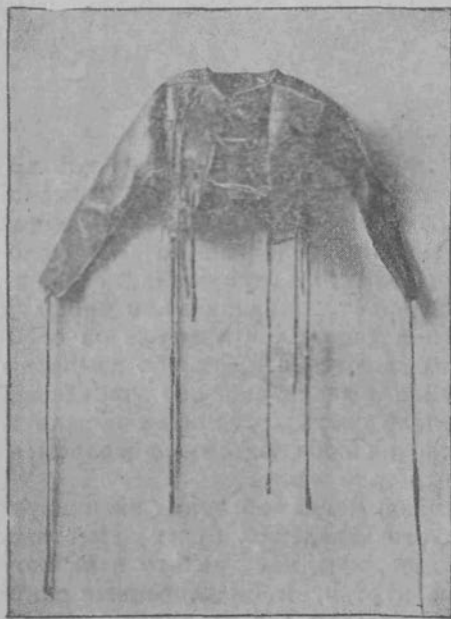
(Из истории Саратовской тюрьмы).

В начале 1919 г. в музейный фонд Саратовской архивной комиссии поступило четыре необычных экспоната. От них веяло временами святейшей инквизиции или застенка Тайной канцелярии с ее знаменитым „словом и делом“. Сопровождало их отношение председателя совета народных судей т. Позднякова, в прошлом политкаторжанина местной тюрьмы, в котором он сообщал, что экспонаты пересылаются в архивную комиссию из окружного суда. Далее выяснялось, что передаваемые вещи едва-едва успели стать достоянием прошлого. Их действие испытывали на себе мятежные современники последнего русского императора.

К настоящему времени, когда об этих экспонатах собралось довольно много сведений, будет уместным подытожить их, рассказать, кем, как, за что и на кого надевались эти кожаные куртки, мобилизованные самодержавием из практики дальних лет на охрану господствующего правопорядка. К таким же орудиям пытки, в эти же годы, далеко от России, прибегали (продолжается это, несомненно, и по сей день) и тюремщики Сен-Квентина.

Ныне кожаные куртки хранятся: три в историко-революционном отделе Н.-в. краевого музея, четвертая — в музее общества б. политкаторжан в Москве.

Кожаная куртка представляет собою пиджак с длинными рукавами, сшитый из выделанной толстой кожи. К концам однометровых рукавов прикреплены длинные ремни (1½ метра). Ширина куртки меньше объема человеческого тела, на которое ее надевают, и края куртки сходятся поэтому только при усиленном ее стягивании шнуровальным ремнем, для чего к бортам куртки пришиты медные кольца. Длина куртки 62 см.

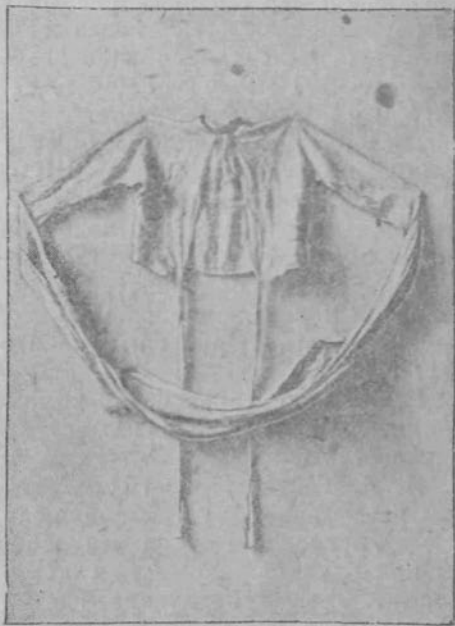
Краевого музея.

¹ Без „уточки“, т. е. без оттягивания назад рук и ног.
Я. Шумяцкий.— Закаленные в борьбе. Изд. о-ва б. политкаторжан. М. 1931 г. 74 стр.

В „Тюремном вестнике“ заверяли, что „телесных наказаний в 1907 г. применяемо не было, если не считать случаев скручивания в смирительную рубашку, но слегка и без „уточки“.¹

Эту смиригельную рубашку, сшитую из холста, не следует смешивать с кожаной курткой, по сравнению с которой она была „верхом гуманности“. В Саратовской тюрьме применялась и она, оттуда попав потом в местный Историко-Революционный отдел

Смирительная рубашка шьется из белой парусины. Ее короткий размер (50 см) еще более подчеркивается рукавами длиной в 2½ метра и длинными тесемками, пришитыми к концам бортов. Надевалась смирительная рубашка на политических и уголовных заключенных в наказание за неподчинение тюремным правилам. Стянув тесемками горло и пояс заключенного длинными рукавами, оттянув ему руки назад или скрестив их на груди, его «пеленали», лишая этим возможности самостоятельно двигаться.¹

„Тюремный вестник“ уверяет, что была в ходу только такая рубаха, причем при ее употреблении руки и ноги заключенных не оттягивались к спине, то есть не допускалась „уточка“.

Впрочем, через год в том же „Тюремном вестнике“ был опубликован курловский циркуляр, разрешавший подвергать политических заключенных „наказанию розгами не свыше 100 ударов“.

¹ В Польше Пилсудского и по сей день применяются смирительные рубашки. „Во время коллективного протеста политзаключенных Петроковской каторжной тюрьмы голодавших политзаключенных, одетых в смирительные рубашки, связывали спиной друг к другу, выворачивая им руки. В таком же положении их оставили на мокром полу в продолжение трех дней“ („Правда“, 1931 г., № 227 от 28 августа).

Это была эпоха, когда торжествующая столыпинская реакция пыталась вытравить все революционные ростки, обуздать „появившийся в тюрьме совершенно новый элемент в виде солдат и рабочих, заброшенных в каторгу революционным течением и называющих себя „сознательным товариществом“,¹ когда кривая роста количества заключенных неуклонно шла вверх (1906 г.—111 402 ч., 1908 г.—171 219 ч., 1911 г.—179 948 ч., 1912 г.—182 850 ч.).

„Без преувеличения можно сказать,—свидетельствует бывший политкаторжанин Я. Шумяцкий,—что, несмотря на победу, одержанную в 1905—1907 г.г., вся правительственная машина инстинктивно почувствовала наступление своих сумерек.

Только этим объясняется беспредельная злоба, проявленная к революционерам, заполнившим все каторжные централы, тюрьмы и ссылки в эпоху после 1905 до 1917 г.“²

Рассказ о саратовских кожаных куртках служит убедительной и яркой иллюстрацией к мысли Я. Шумяцкого.

Я. Л. Тейтель, член саратовского окружного суда, сам разоблачает ту жалкую роль, которую он играл, как и другие представители юстиции и власти, когда им приходилось закрывать глаза на то, что делалось в тюрьме. „При губернаторе гр. С. С. Татищеве.—сообщает он в своих воспоминаниях,—был назначен начальником главной тюрьмы Гу(м)берт, легендарная по своей жестокости личность. Говорили, что он имеет большие связи в Петербурге в лице фаворитки одного высокопоставленного лица... Распоряжения суда, прокурорского надзора им игнорировались... Товарищи прокурора, на обязанности которых лежало наблюдение за тюрьмой, избегали ходить туда из за грубости Гу(м)берта.. Европейски образованный губернатор Татищев знал о тю-

¹ Из донесения тюремщиков. См. указанную брошюру Шумяцкого, стр. 72.

² Там же. стр. 64.

ремных порядках, но не останавливал Гу(м)берта... Молчал также и тюремный инспектор Сартори, тоже корректный и любезный человек" ¹.

—Боязнь повредить карьере брала верх над смутным стремлением к гуманности: переходить в борьбу с Гумбертом, охранявшим самодержавие своими методами, только на почве расхождения применения способов борьбы с заключенными революционерами, т. е. со своими классовыми врагами, было по существу для этих людей лишним, позволяя им продолжать считаться „просвещенными“, „любезными и корректными“ администраторами в глазах своего класса. А Татищев, как об этом заявляет и сам Тейтель, был „призван восстановить порядок в Саратовской губернии“ ².

Столь же „либерален“ оказался и чиновник особых поручений при губернаторе, допрашивавший в саратовской тюрьме заключенную Р. И. Губер-Гриц ³. „Я подробно описала ему (май 1911 г.), рассказывает она, кожаную куртку, но когда он потребовал, чтобы ему показали такую куртку, помощник Радзевич (зав. женским отделением) возразил, что ничего подобного в тюрьме нет. Он показал обыкновенную холщевую смирительную рубашку больничного типа; существование же кожаной куртки отрицал категорически. У меня есть основание думать, что чиновник, записавший мои показания, отнесся к ним с большим доверием, чем к утверждению помощника, но дальнейшее расследование по поводу кожаной тужурки он прекратил“.

С переводом Гумберта в июне этого же года из Са-

¹ Я. Л. Тейтель.—Из моей жизни. За сорок лет. Изд. Я. Поволоцкого. Париж. 1925 г. Стр. 159—163.

² Там же, стр. 159.

³ Сведения ею даны для настоящей статьи. Рукопись хранится в Историко-револ. отделе Н.-в. кр. музея Р. И. Губер-Гриц принадлежала к Р. С.-Д. Р. П. Арестована в 1910 г. в Саратове и в апреле 1911 г. саратовским окружным судом приговорена к 3 годам каторги. См. „Политическая каторга и ссылка“. Биографический справочник членов о-ва политкаторжан. Изд. о-ва. М. 1930 год. Стр. 143—144.

ратовской губернской тюрьмы, где сидела Р. И. Губер-Гриц, на место начальника временной каторжной тюрьмы в Саратове, методы старого управления были им перенесены на новое место.

Заклученный И. Я. Коротков, оставивший свои воспоминания о Саратовской губ. тюрьме, напечатанные в журнале „Каторга и ссылка“¹, не довел их до времени появления Гумберта на новом посту, но из материалов музея общества политкаторжан и личных расспросов можно многое прибавить к нашему рассказу о кожаной куртке.

Ко времени перевода Гумберта Ив. Коротков² сидел в общей камере с Гречкиным, Царевским и др. Весть о назначении нового начальника, имевшего репутацию зверя, приводит к самоубийствам заключенных. Призыв к устройству „волынок“ не встречает отклика у подавляющего большинства.

И. Я. Короткова прежде всего перевели в одиночку. В начале июля, придравшись к нему по

И. Я. Коротков (со снимка охраны). формальному поводу, на самом деле ставя своей зада-

¹ И. Коротков.—В Саратовской тюрьме. „Кат. и сс.“ 1923 г. № 6, стр. 189—199.

² Иван Яковлевич Коротков—член ВКП(б), пришедший в нее из П. С. Р. Сидел в Саратовской тюрьме, Шлиссельбурге, Орловском центре. В марте 1916 г. вышел на поселение в Иркутской губернии. См. „Политическая каторга и ссылка“, стр. 264.

чей терроризировать заключенных, Гумберт отдал приказ выпороть Короткова. Порка происходила в конторе в присутствии 90—120 каторжан. Дано было 50 ударов. Затем—карцер.

Протест Короткова начальнику главного тюремного управления Хрулеву, посетившему тюрьму, привел к обещанию больше не применять порку.

Но Гумберт сумел обойти запрещение.

В августе месяце за отказ натирать пол на Короткова надели кожаную куртку на 8 часов. „Рубаха эта,—свидетельствует он,—во много раз хуже истязания поркой. При стягивании куртки кости хрустят, тело горит и одновременно ноет и немеет. После того, как тело уже затянато в эту палаческую броню, и воротник, тоже кожаный, давит тело, как тупыми клещами и подпирает подбородок так, что дышать было невыносимо, а переменить его стоило много сил и энергии. При переворачивании голова ударялась об асфальтовый пол. Несмотря на все это, когда меня связали в первый раз, я, из чувства протеста и вызывая на то же товарищей по тюрьме, долго еще пел революционные песни, хотя палачи ежеминутно стучали в дверь с криком: „Замолчи, сволочь, хуже будет!“ Когда с меня сняли рубаху, в течение полусуток я не мог поднять рук: до того они онемели и затекли“.¹

Так перенес эту пытку И. Я. Коротков, обладавший завидной физической крепостью. Р. И. Губер-Гриц, слышавшая неоднократные угрозы быть наказанной курткой и сидевшая среди уголовных (такова была система), передает, что на одну из уголовных куртка „была надета в карцере. Это была красивая, рослая, здоровая девушка, очень веселая и жизнерадостная. Сидела под следствием по какому-то уголовному делу. Наказана она была за

¹ Из этикетажа музея общества политкаторжан в Москве.

Другой заключенный—Антонов, когда его освободили от куртки и поставили на ноги, упал. Тюремщики поставили его снова, он упал. „Так проделали они несколько раз... потом ушли. Антонов пришел в память через 2—3 часа“.

то, что, сидя в карцере, напевала вполголоса. Связана она была на глазах всех сидевших в карцере. Связывали надзиратели, стягивая ремни так, как стягивают багаж. Ноги прикрепили кольцами на спине. В таком виде ее вынесли из карцера в особый светлый карцер и там оставили на 6 часов. После этого она стала кашлять кровью, стала молчаливой и совершенно утратила прежнюю жизнерадостность¹.

Даже короткое пребывание заключенных в тюрьме (два-три дня), как пишет Я. Тейтель о режиме Гумберта, страшно влияло на них: „изнуренные, с землистым цветом лица, угнетенные, они производили душущее впечатление“². О причинах этого теперь не трудно догадаться: даже одно присутствие при экзекуции кожаной курткой подвергало свидетеля пытке.

Заключенной Губер-Гриц передавал Власов, бывший ее товарищем по тюрьме, что один из следственных, закованный в куртку на 12 ч., умер от разрыва мочевого пузыря.

Только случай спасает Короткова от смерти, когда на него вторично надевают куртку за попытку к самоубийству. Благодаря смене надзирателей, среди которых один относился по-человечески к заключенным, на поднятый им крик, что Коротков умер (он же потерял сознание), надзиратели сбежались и его развязали.

И т. Короткову предъявляют обвинение... в покушении на вторичное самоубийство. Он выражает протест помощнику тюремного инспектора. Инспектор, быть может, опасаясь, что смерть Короткова навлечет неприятности со стороны Хрулева, что придется отвечать ему, а не всесильному Гумберту, или, боясь попасть в печать (порка, например, арестанта Глистина в Саратовской тюрьме стала достоянием гласности)³, переводит Короткова из арестантских рот в губернскую тюрьму.

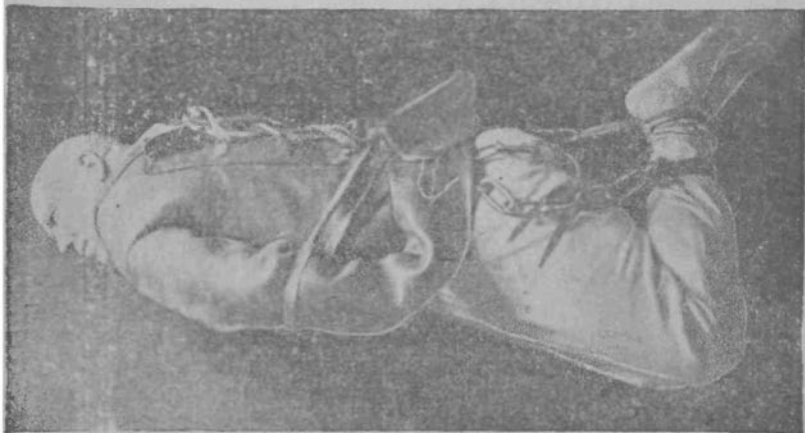
¹ Та же рукопись.

² Те же воспоминания Тейтеля. Стр. 160.

³ В. Мякотин. — О современной тюрьме и ссылке. „Русское богатство“. 1910 г., № 9, стр. 135.

Но и после перевода И. Я. Короткова Гумберт продолжает применять куртки.

Об этом свидетельствует В. П. Поздняков, как мы помним, передавший куртки после революции в Саратовскую архивную комиссию, откуда они и поступили в Историко-революционный отдел.

И. Я. Коротков в куртке. (Воспроизведено им для экспозиции музея о-ва политкаторжан). }

В. П. Поздняков перед арестом в 1910 г. работал секретарем Саратовского комитета РС-ДРП. Был приговорен к 6 годам каторжных работ. В ноябре или декабре 1911 года его заключили в карцер на 7 дней. «В один из вечеров моего пребывания в карцере, передает он, в коридор карцеров с шумом вошли несколько человек; через волчок я увидел помощника начальника тюрьмы и впереди их всех бессрочного политического каторжанина т. Антонова (из Камышина). Втолкнули они тов. Антонова в противоположный моему карцер, одели в кожаную куртку и бросили на сырой асфальтовый пол грудью. Через 2-4 минуты тов. Антонов впал в безумие, стал кричать, призывать смерть, призывать палачей, чтобы они его пристрелили. Через 2 ча-

са т. Антонов онемел и замолчал, впав в бессознательное состояние".¹

После освобождения из куртки Б. Антонов пришел в себя только через несколько часов. Последствием пытки была продолжительная болезнь.

За какие же провинности наказывали курткой?

За „буйство“.

„А „буйством“, говорит Я. Шумяцкий в своем очерке „Закаленные в борьбе“, называлось на языке тюремщиков отказ от пения молитвы и несвоевременное снятие шапки при встрече начальника тюрьмы на прогулке. Но никакие свирепые мероприятия не могли обуздать клочущий дух протеста людей, действительно не желавших себя признать бессловесными рабами и смотревших на свое временное поражение, как пленение“.²

Так было и в Саратове.

Б. Антонов, протестуя против оскорбления, не ответил старшему надзирателю на „приветствие“ — „Здравствуй“.³

„Женщины, политические заключенные, как передает Р. Губер-Гриц, подчинялись общему для всей тюрьмы режиму: вставали на поверках, подвергались наказанию карцером за ничтожнейшие провинности. Происходило не мало тяжелых столкновений“.

И. Коротков отказывается натирать пол. В куртке же поет революционные песни.

Кожаная куртка не помогла, в конечном итоге, сломить стойкость политических заключенных.

Но наша тема не будет исчерпана, если мы не используем еще один источник о кожаной куртке, источник к тому же достаточно доступный.

¹ Сообщение хранится в Историко-революционном отделе Н.-в. кр. музея.

Борис Антонов, как сообщает Коротков, камышанин, кончил реальное училище. За террористический акт (убийство городского) был в 1909 г. приговорен к смертной казни, замененной бессрочной каторгой. Погиб в гражданскую войну (1919 г.) на советском посту.

² Стр. 76.

³ Сообщение В. П. Позднякова.

В нем идет речь от имени лица, которое не раз испытывало пытку курткой.

„Я хорошо знал, говорит заключенный, как ужасна, как мучительна и опасна эта куртка. О, сколько людей духовно погибли от нее! Я видел людей, на всю жизнь искалеченных курткой. Я видел людей сильных и таких крепких, что жизненная сила их не поддавалась обычной в тюрьмах чахотке, которые после продолжительного знакомства со смирительной курткой переставали сопротивляться и умирали от чахотки в течение шести месяцев“.

Рассказывает он и о собственных переживаниях в куртке.

„В продолжение нескольких минут я замечал только неудобное сжатие, которое, как я безрассудно верил, станет легче по мере того, как я привыкну к нему. Но вышло не так: у меня начало биться сердце, и казалось, что легкие не в состоянии набрать достаточно воздуха для крови. Это чувство, что я задыхаюсь, наводило на меня ужас, и каждое биение сердца грозило разорвать мои легкие, которые уже надрывались... Я начал кричать, вопить, стонать, рычать, совсем обезумев от мысли, что умираю... Умереть не трудно, но такое медленное и ужасное умирание могло свести с ума“¹.

Это выдержки из романа Дж. Лондона — „Смирительная куртка“, действие которого происходит в 1913 г.

Ознакомившись с „биографией“ этого художественного произведения, можно его использовать для нашего рассказа, отсеивая фантастику, интригу, беря факты, просочившиеся между строк.

Чармиан, жена Д. Лондона, в биографическом очерке о своем муже рассказывает, что в 1911 г. ею и мужем

¹ Д. Лондон.— „мирительная куртка“. См. Собрание сочинений. Т. II. ГИЗ. Лгр. 1 25 г. Перевод Д. Носовича. Есть и другие издания; в переводе Э. Пименовой под названием „Пытка“, изд. „Мысль“, Лгр. 1923 г., в переводе С. Займовского под названием „Междувзвездный скиталец“, изд. ЗИФ. М. 1926 г. Под тем же названием в изд. „Всем. Следопыт“, 1929 г., т. XII.

„был принят на службу человек, выпущенный из государственной исправительной тюрьмы в Сен-Квентине... Среди наших гостей был Эд. Морель. Помню, как Джек был потрясен, с каким глубоким волнением он рассказывал мне о рубцах, оставленных смирительной курткой на спине Э. Мореля“.¹

Позднее, уже в 1917 г., Эд. Морель был опять заключен в тюрьму, в которой и погиб через 6 месяцев, сидя вместе с уголовными. По сообщению Ромена Роллана, Эд. Морель был посажен „по смехотворному (да еще и выдуманному) обвинению в том, что он будто бы послал мне в Швейцарию одну из своих политических брошюр“.²

У Д. Лондона был собственный тюремный „опыт“. Эти наблюдения и послужили материалом для романа.

В „Смирительной куртке“ с блестящим реалистическим мастерством зарисована американская тюремная повседневность, „воспитательные“ приемы тюремных палачей, пытки кожаной курткой, психика заключенных и их надсмотрщиков. Эти страницы можно горячо рекомендовать нашему читателю, заинтересовавшемуся темой: художественное слово скорее доходит до сознания, чем статья.

Но, к сожалению, в романе преобладает фантастика, в которую лишь вкраплены реалистические островки. На этой фантастике „лежит печать необычайной для Лондона утомленности, потерянного вкуса к жизни“.³

Но советского читателя не соведишь мистикой о переселении душ: он перешагнет через этот упадочный для Д. Лондона мотив.

Этот роман дает яркий материал для других выводов, еще раз разрушая миф, созданный и прививавшийся буржуазией, о неприкосновенности личности в буржуаз-

¹ Чармиан Лондон. — „Жизнь Джека Лондона“. См. подробнее в примечании к роману в изд. „Всемирн. Следопыт“, стр. 91. См. Д. Лондон Полное собрание сочинений. Т. I, кв. 1-2. Изд. „Всемирный Следопыт“. М. 1929 г. стр. 117.

² Ромен Роллан — „Прощание с прошлым“. См. „Красная Новь“ 1931 г. кн. 7, стр. 166.

³ Рецензия Анисимова. См. „Книгоноша“ 1923 г., № 24.

ных странах, об уважении к человеку. Роман разоблачает капиталистическую тюрьму, против порядков которой Д. Лондон анархически протестует.

С ростом революционного движения в капиталистических странах в наши дни идет вверх и кривая показателей тюремного населения и террора. Классового врага заковывают в смиренные куртки, „цивилизованно“ казнят на электрических стульях. Качество той „работы“, которое блестяще выявлено Д. Лондоном, не нуждается в улучшении; дело в сохранении „традиций“, когда вопрос встает о количестве. Ненависть к пролетариату, классовому врагу, обязывает справиться и с этой задачей. Капитализм, как недавняя царская Россия, чувствует свой закат. Отсюда еще большее обострение тюремных репрессий, отсюда „подвиги“ цергибелей и грезинских. Об этом свидетельствуют биографии зарубежных коммунистов, об этом кричат страницы МОПРовских изданий.

14 лет тому назад история дописала в России рассказ о кожаных куртках.

Вот финальные строки сообщения В. П. Позднякова о начале их конца: „В 1913 г. начальник тюрьмы Сомкович отдал распоряжение, чтобы арестанты-сапожники изготовили еще несколько курток, но на этой почве произошли волнения в тюрьме. Сомкович несколько человек отправил в карцер, а громада арестантов портных и сапожников объявили забастовку. Все были сняты с работы и что-то против них замыслили, но они объявили голодовку. Дело окончилось капитуляцией тюремной администрации“.

Так закалялась в борьбе политическая тюрьма царской России. Так закаляется она ныне в странах капитала. Старая большевистская гвардия, пройдя тюрьму, каторгу и ссылку, вышла к новым победным боям на воле. Такая же славная роль и за иностранными коммунистами, ныне сидящими в тюрьмах. Они не заключенные, а временные пленники капитала.

